
Научная статья

УДК 314.18(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-47-61

Демографические процессы в системе расселения северных районов Дальнего Востока (на материалах Амурской области)

Владимир Николаевич Дьяченко

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия

dvn48@list.ru

Аннотация. *Происходящие в последние десятилетия на Дальнем Востоке России преобразования сопровождаются значительным по масштабам сокращением численности населения, связанным с миграционным оттоком и превышением уровня смертности над рождаемостью, деградацией сложившейся системы расселения. Особенно сильно эти тенденции проявляются в северных субъектах, а также в северной части краев и областей юга региона. Целью данной работы является оценка изменений в демографических процессах, происходящих в населенных пунктах муниципальных образований Амурской области, приравненных к районам Крайнего Севера, определение происходящих при этом трансформаций в сложившейся системе расселения за период 1989–2023 гг. Анализ особенностей развития демографических процессов в районах, приравненных к Крайнему Северу, с учетом особенностей муниципальных образований и сложившейся в ходе развития хозяйственной деятельности системы населенных пунктов позволяет оценить возможности реализации программных целей и перспективы трансформации системы расселения. Проведена оценка особенностей миграции и естественного движения населения в муниципальных образованиях севера региона, свидетельствующих об убыли населения, деградации его структуры. В работе дана характеристика динамики изменения численности населения в населенных пунктах различной хозяйственной специализации, величины и удаленности от районного центра. Определена роль природно-климатических факторов, особенностей организации производства в добывающих отраслях. Выявлено, что складывающаяся динамика демографических процессов определяется совокупностью факторов, среди которых, помимо природно-климатических условий, существенную роль занимают особенности хозяйственной деятельности, уровень развития комплекса социальной инфраструктуры в поселениях и центрах расселения. Полученные результаты создают информационную основу для дополнения разрабатываемых программ социально-экономического развития муниципальных образований северных территорий определением перспектив преобразований на уровне отдельных населенных пунктов.*

Ключевые слова: *население, демографическая динамика, естественное движение, миграционное движение, расселение, муниципальные районы, населенные пункты, переписи населения, Крайний Север, Дальний Восток России*

Для цитирования: Дьяченко В. Н. Демографические процессы в системе расселения северных районов Дальнего Востока (на материалах Амурской области) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 47–61. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-47-61>

Demographic processes in the settlement system of the northern regions of the Far East (based on materials from the Amur Region)

Vladimir N. Dyachenko

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
dvn48@list.ru

Abstract. Transformations taking place in the Russian Far East in the recent decades have been accompanied by a significant reduction in the population associated with the migration outflow and excess of the mortality rate over the birth rate, degradation of the existing settlement system. These trends are especially strong in the northern regions, as well as in the northern part of the territories and regions of the south of the region. The purpose of this work is to assess changes in demographic processes occurring in the settlements of municipalities of the Amur region, equated to the regions of the Far North, to determine the transformations taking place in the current settlement system for the period of 1989–2023. Analysis of the features of development of demographic processes in areas equated to the Far North, taking into account the characteristics of municipalities and the system of settlements that has developed during the development of economic activity, allows us to assess the possibilities of implementing program goals and prospects for the transformation of the settlement system. Assessment of the features of migration and natural movement of population in the municipalities of the north of the region, indicate decline of the population, degradation of its structure. The paper describes the dynamics of population change in settlements of various economic specialization, size and distance from the district center. The role of natural and climatic factors, the peculiarities of the organization of production in the extractive industries is determined. It is revealed that the emerging dynamics of demographic processes is determined by a combination of factors, among which. In addition to natural and climatic conditions, a significant role is played by the peculiarities of economic activity, the level of development of the complex of social infrastructure in settlements and settlement centers. Obtained results create informational basis for supplementing the developed programs of socio-economic development of municipalities of the northern territories with the definition of prospects for transformations at the level of individual settlements.

Keywords: population, demographic dynamics, natural movement, migration movement, settlement, municipal districts, settlements, population censuses, the Far North, the Far East of Russia

For citation: Dyachenko V. N. Demographic processes in the settlement system of the northern regions of the Far East (based on materials from the Amur Region) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 47–61. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-47-61>

Введение

Среди задач социально-экономического развития Дальнего Востока одно из важнейших мест занимает улучшение демографической ситуации. На снижение естественной убыли и оттока населения, улучшение условий жизни, преодоление сложившихся негативных тенденций в системе расселения направлен широкий спектр мер, определенных в госу-

дарственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и Национальных проектах. Несмотря на масштабные инвестиции, реализацию крупных экономических проектов, стимулирование рождаемости и меры, направленные на снижение смертности, переломить негативные тенденции не удается [Минакир, Исаев, Найден, 2022].

Разнообразие природно-климатических условий, хозяйственной специализации, уровня освоенности территории, плотности расселения, инфраструктурной обустроенности обуславливают значительную дифференциацию в социально-экономическом развитии территориальных образований региона разного уровня, требующую дополнения общих управленческих подходов выработкой и использованием специальных механизмов, обеспечивающих устойчивость развития, преодоление дискриминации по территориальному принципу.

На решение этих задач направлен комплекс программ, разрабатываемых на региональном и муниципальном уровнях. Основу их эффективности составляет полнота представлений об особенностях социально-экономического развития, включая эволюцию системы расселения, складывающиеся тенденции в демографических процессах.

Особую важность научная оценка особенностей развития приобретает при выработке инструментария регулирования процессов на территории Севера, где специфика сложившейся ситуации и перспектив дальнейшего освоения существенно ограничивают возможности использования подходов, сформированных для плотно заселенных территорий с высоким уровнем устойчивости системы расселения.

Дополнительные сложности по программированию развития северных территорий вносят сложившиеся ограничения использования опыта, накопленного в период, предшествующий современным радикальным экономическим реформам.

Многочисленные хозяйственные проекты, реализуемые крупными ресурсными корпорациями, привносят в практику освоения новые формы кадрового обеспечения с широким использованием вахтового метода ведения работ, не предусматривающих заселение территории, развитие системы расселения. В результате формируется новая территориальная структура процесса освоения, требующая пересмотра стратегий развития.

Материалы и методы

Проводимый анализ практики про-

граммирования в регионах ресурсных территорий свидетельствует, что в абсолютном большинстве территориальная специфика конкретных мест освоения не учитывается, пространство рассматривается лишь как вместительный ресурс; собственные свойства местного пространства, территории не принимаются во внимание [Замятина, Пилясов, 2018].

Сохранение в регионе процесса сокращения численности населения, сопровождающегося деградацией системы расселения, во многом связано с ограничениями в практике программирования макроуровнем без должного учета дифференциации, складывающейся на уровне муниципальных образований, населенных пунктов и их групп, формируемых в ходе развития хозяйственной деятельности. [Фаузер, Смирнов, Фаузер, 2023].

В проводимых в последние годы исследованиях делаются попытки анализа демографической ситуации, складывающейся на муниципальном уровне [Симагин, 2018].

Оценивая возможности совершенствования государственного регулирования, как представляется, необходимо более полно учитывать особенности развития складывающихся территориальных локалитетов, включая уровень отдельных населенных пунктов. Соответственно, в проводимых исследованиях концентрировалось внимание не на выявлении общих закономерностей, а на оценке специфических черт, требующих учета при разработке мер государственного регулирования.

Характеристика демографической ситуации и сети расселения в Амурской области

Процесс освоения региона на территории современной Амурской области складывался под определяющим влиянием природно-климатических условий. До начала русской колонизации ввиду отсутствия пастбищных угодий, пригодных для кочевого оленеводства, север области оставался практически незаселенным.

Для развития сельскохозяйственного производства в наибольшей мере располагала расположенная на юге региона Зейско-Буреинская равнина, поэтому

здесь началось формирование сети сельскохозяйственных поселений.

Создание небольших промышленных производств осуществлялось на севере, локализуясь вдоль небольших речек, выносящих золото из разрушенных пород. Для обеспечения их деятельности стали создаваться рабочие поселки, период существования которых определялся исчерпанием ресурсной базы.

Строительство Транссиба обусловило формирование линейной сети расселения, состоящей первоначально из поселений-станций.

Развитие сети расселения строилось за счет движения аграрных форм хозяйствования с юга на север, а промышленного производства – с севера на юг, в ходе чего осуществлялось промышленно-городское освоение [Дьяченко, 2015].

К современному периоду для региона характерно сочетание обжитых и заселенных районов с незаселенными и необжитыми пространствами. Разреженность сети расселения, дисперсность населенных пунктов дополняются преобладанием среди них мелких и средних по численности населения [Дьяченко, Бурлаев, 2017].

В составе Амурской области по состоянию на 1 января 2023 г. находились 8 городов областного подчинения, 2 города районного подчинения, 15 поселков го-

родского типа, 602 сельских населенных пункта. На протяжении последних десятилетий устойчивой тенденцией развития Амурской области является сокращение численности населения (табл. 1).

За период с 1989 г. по 2022 г. снижение числа жителей составило 26,2%. Наиболее интенсивно сокращение численности населения региона произошло в период с 1989 г. по 2010 г., когда численность населения уменьшилась на 20,6%. В дальнейшем темпы сокращения снизились, но при этом общая тенденция не изменилась. Отрицательная динамика сложилась за счет оттока населения и естественной убыли. В соответствии с итогами Всероссийской переписи населения 2020 г., на 1 января 2023 г. численность населения области составила 756,2 тыс. человек, из которых 68,4% постоянно проживали в городах, 31,6% являлись сельскими жителями (табл. 2).

Отрицательное сальдо складывалось как за счет миграционного оттока, так и за счет естественной убыли, превышения числа умерших над числом родившихся.

В системе расселения и размещения населения сложились существенные территориальные различия. Более высокая заселенность южной зоны региона, где плотность населения по муниципальным образованиям в 2021 г. колебалась от 11,1 чел./кв. км в Благовещенском районе до

Таблица 1

**Изменение численности населения Амурской области
в населенных пунктах с различным административным статусом**

Населенные пункты с различным административным статусом	Изменение численности населения, в процентах				
	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
областной центр	104,9	105,0	99,9	104,9	110,1
город областного подчинения	75,8	92,8	96,7	89,8	68,0
город районного подчинения	58,5	94,8	91,4	86,6	50,7
райцентр, не имеющий статуса города	82,7	93,1	96,6	89,9	74,4
центр поссовета	82,4	90,4	95,4	86,3	71,1
центр сельсовета	66,4	92,8	94,5	87,7	58,2
периферийный населенный пункт	71,9	97,4	93,9	91,5	65,7
Итого по всем населенным пунктам	79,4	96,2	96,8	93,1	73,8

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Таблица 2

Основные демографические показатели Амурской области

Показатели	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2022 г. ¹⁾
Численность постоянного населения на конец года – всего, тыс. человек	923,1	828,7	781,8	756,2
городское	615	554	530,4	517,1
сельское	308,1	274,7	251,4	239,1
в общей численности населения, %				
городское	66,6	66,9	67,8	68,4
сельское	33,4	33,1	32,2	31,6
Естественный прирост, убыль (-) населения, человек	-4099	-1261	-4910	-4308
Миграционный прирост, отток (-) населения, человек	-4300	-3681	-3144	-3064

¹⁾ Оценка от окончательных итогов ВПН-2020

Источник: Демографический ежегодник Амурской области. Стат. сб., Амурстат, Благовещенск, 2023, <https://irbis.amursu.ru>

4,3 чел./кв. км в Михайловском районе. На севере региона значительная часть территории муниципальных образований не заселена. Если на юге региона леса уже практически отсутствуют, занимая, например, в Тамбовском районе 0,4% общей площади, то на севере в Селемджинском районе лесистость составляет 76,8%, а плотность населения – 0,2 чел./кв. км. Соответственно различается и густота сети населенных пунктов, составляя на севере региона 0,03 ед./10000 кв. км.

Высокий уровень заселенности сложился и в центральной части региона, где плотность населения несколько ниже, чем на юге, но густота сети населенных пунктов выше и является наиболее высокой по региону в Белогорском муниципальном образовании (1,39 ед./10000 кв.км), где на плотность населения и густоту сети населенных пунктов существенное влияние оказывает обслуживающие железнодорожного транспорта.

Существенно дифференцирована устойчивость населения муниципальных образований. Позитивной динамикой по изменению численности населения выделяются прилегающий к областному центру Благовещенский район, где в 2023 г. численность населения составила 192,6% к уровню 1989 г., а в г. Благовещенске – 118,5%. В то же

время в Зейском районе сохранилось только 28,5% численности населения, а в Селемджинском районе – 36,0%.

Важнейшим фактором пространственной дифференциации являются различия, связанные с особенностями природно-климатических условий, определивших выделение южной, центральной, горно-таежной и северной зон. Динамика изменений численности населения по зонам имеет существенные различия (табл. 3).

Если в среднем по региону численность населения за 1989–2022 гг. сократилась на 26,2%, то в результате перераспределения населения между муниципальными образованиями численность жителей в южной зоне в 2022 г. по сравнению с 1989 г. выросла, составив 103,4%. В северной зоне за этот период потери численности населения составили 50,8%.

Следствием протекающих в регионе миграционных процессов и естественного движения населения явилось последовательное наращивание доли жителей, проживающих в южной зоне, и сокращение в других зонах. Наиболее остро складывается проблема депопуляции в северной зоне, что требует детального рассмотрения этих процессов не только на муниципальном уровне, но и на уровне населенных пунктов.

Таблица 3

**Изменения численности населения в природно-климатических зонах
Амурской области**

Природно-климатические зоны	Изменение численности, в процентах					Доля населения, в процентах			
	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.	1989 г.	2010 г.	2018 г.	2022 г.
	Южная зона	98,4	103,9	99,5	103,4	101,7	30,7	38,1	41,2
Центральная зона	78,0	92,7	95,4	88,4	69,0	36,5	35,9	34,6	34,1
Горно-таежная зона	68,8	90,0	93,0	83,7	57,6	15,3	13,2	12,4	11,9
Северная зона	57,8	89,5	95,0	85,0	49,2	17,5	12,7	11,9	11,6
Итого по всем зонам	79,4	96,2	96,8	93,1	73,8	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Трансформации в системе расселения северных районов Приамурья

Формирование сети населенных пунктов в Амурской области в северной зоне, муниципальные образования которой приравнены к районам Крайнего Севера, первоначально происходило в ходе развития золотодобывающей промышленности, дополнившись затем организацией лесозаготовок и созданием, благодаря строительству БАМа, транспортных узлов.

Для организации деятельности горнодобывающих предприятий создавались относительно крупные поселки с численностью от 1 до 5 тыс. человек, являющиеся стационарными базовыми центрами приисков, дополняющиеся мелкими населенными пунктами, возникающими в непосредственной близости от месторождений, где велись горные выработки, и прекращающие свое существование в связи с исчерпанием сырьевой базы. Дальнейшие этапы освоения привели к созданию городов и крупных поселков городского типа (далее – пгт.), связанных с развитием регионального топливно-энергетического комплекса, включая строительство и эксплуатацию в г. Зей Зейской ГЭС и строительство и организацию эксплуатации БАМа, центрами которой стали г. Тынды и пгт. Февральск.

Происходивший до 1990 г. прирост населения севера региона сменился на убыль, которая до 1999 г. складывалась только за счет миграционного оттока, а затем дополнилась и естественной убы-

лью населения (табл. 4).

Изменение численности населения в северных районах Амурской области представлено в таблице 5.

Оценка тенденций развития демографических процессов и расселения в северных муниципальных образованиях Амурской области

Среди северных районов области, специализирующихся на добывающей промышленности и лесозаготовках, наиболее длительную историю имеет Селемджинский район, анализ складывающихся процессов в котором в этой связи позволяет сформировать представление о наиболее общих тенденциях освоения и социально-экономического развития территорий с такого рода территориально-хозяйственной специализацией.

Развитие хозяйственной деятельности на территории Селемджинского района связано с открытием многочисленных месторождений россыпного золота, положивших начало золотодобыче старательским способом со второй половины XIX века [Маркова, 2007; Кочегарова, 2000].

Узкая отраслевая специализация в Селемджинском районе определила его экономический и социальный облик. Большая рассредоточенность по территории месторождений, неравномерность залегаемого сырья при сохранении низкой транспортной доступности мест приложения труда обусловили формирование территориально-организационной структуры, в основе которой лежало

Таблица 4

**Динамика показателей естественного движения и миграции
в районах Крайнего Севера Амурской области (на 1000 чел. населения)**

Показатели	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2021 г.	2022 г.	Амурская область 2022 г.
Родившихся	16,7	11,0	9,4	12,0	13,4	8,7	9,4	9,1
Умерших	5,6	10,2	11,7	14,6	14,3	17,9	16,9	14,8
Умерших в возрасте до 1 года (на 1000 родившихся)	18,4	16,7	14,7	15,3	9,5	10,2	7,9	4,4
Естественный прирост, убыль (-)	11,1	0,8	-2,3	-2,6	-0,9	-9,2	-7,5	-5,7
Миграционный прирост, убыль (-)	-7,9	-15,0	-9,7	-1,7	-11,1	-5,9	-15,1	-4,0
Браков	6,4	7,7	6,8	7,7	9,2	7,3	10,3	7,0
Разводов	5,1	6,7	6,4	5,0	6,3	4,9	7,2	5,6

Источник: Амурская область в зеркале демографии: нацпроекты и степень их влияния Записка. Амурстат, Благовещенск, 2023, <https://irbis.amursu.ru>

Таблица 5

**Изменение численности населения в северных районах
Амурской области, в %**

Северные районы	Изменение численности, в процентах					Доля населения, в процентах			
	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.	1989 г.	2010 г.	2018 г.	2022 г.
Зейский	51,1	87,0	87,9	76,4	39,1	18,0	15,9	15,5	14,3
Зея	77,3	93,1	96,3	89,7	69,3	17,7	23,6	24,6	24,9
Селемджинский	58,4	88,2	92,7	81,7	47,7	10,9	11,0	10,8	10,6
Тында	58,3	91,1	98,8	90,1	52,5	34,0	34,3	34,9	36,3
Тындинский	45,2	83,7	92,9	77,7	35,2	19,4	15,2	14,2	13,9
Общий итог	57,8	89,5	95,0	85,0	49,2	100	100	100	100

Рассчитано авторами по источнику: Демографический ежегодник Амурской области. Стат.сб., Амурстат, Благовещенск, 2023, <https://irbis.amursu.ru>

создание небольших производственных подразделений, первоначально размещавшихся в максимальной близости от горных выработок.

В их рамках обеспечивалось проведение относительно замкнутого производственно-технологического цикла, включающего в себя специализированные горно-заготовительные работы, дражную обработку породы и получение золотосодержащих концентратов, рекультивацию отработанного грунта. Последующее же обогащение полученного на других драгах шлихта, требующее применения спе-

циальных технологий, осуществляется уже в условиях стационарных шлихтообогатительных фабрик (участков), располагающихся, как правило, в базовых центрах приисков. Там же сосредотачиваются и службы снабжения, ремонтно-технологические подразделения приисков, управленческие службы.

В соответствии со сложившейся схемой ведения работ развертываются и трудовые коллективы золотодобывающих предприятий. В непосредственной близости от месторождений дислоцируются мобильные производственные подразде-

ления, ведущие горноподготовительные работы и дражную добычу золотоносной породы. Работники этих подразделений постоянно проживают в стационарных поселках, как правило, мелких и средних по своим размерам, расположенных рядом с обрабатываемыми месторождениями. Фактически места их работы и жительства сомкнуты в рамках единой производственно-поселенческой среды, являющейся периферическим элементом общей производственно-поселенческой структуры прииска.

В базовых же центрах (более крупных по своим размерам поселениях) располагаются стационарные производственные подразделения по обогащению золота, ремонтно-технические подразделения, обслуживающие, управленческие и снабженческие службы. Здесь же постоянно проживают и работники этих служб.

Таким образом, трудовые коллективы золотодобывающих предприятий представляют собой устойчивые производственные формирования в регионе освоения. Несмотря на территориальную рассредоточенность производства и отдельных подразделений, общая производственно-поселенческая структура предприятий носит целостный характер. Базовые же центры, несмотря на мобильность периферии, длительное время продолжают играть роль опорных тылов хозяйственной деятельности.

В настоящее время наряду с разработкой месторождений россыпного золота, все большую роль начинает играть добыча рудного золота, с которой связываются дальнейшие перспективы развития отрасли. В 2022 г. добычу золота вели 14 хозяйствующих субъектов. Роль системообразующих предприятий играют ООО «Албынский рудник», ООО «Маломырский рудник» и АО «Хэргу». Кроме золотодобычи в районе 14 организаций занимается развитием заготовки древесины. Добычу каменного угля ведут ООО «Огоджинская угольная компания» и ООО ПО «Росса», в районе получили развитие обрабатывающие производства, представленные переработкой древесины и производством пищевых продуктов.

Данные переписей населения свидетельствуют, что, несмотря на дифференциацию в ситуации, складывающуюся в отдельных видах деятельности, в целом до 1989 г. происходил рост численности населения в Селемджинском районе (табл. 6).

Кризисный период между переписями 1989 г. и 2010 г. ознаменовался масштабным сокращением численности населения муниципального образования, потери которого составили 42,2%. В дальнейшем темпы сокращения снизились, однако в целом в 2022 г. численность жителей муниципального образования составила только 49,5% от имевшегося по итогам

Таблица 6

Изменение численности населения в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией в Селемджинском муниципальном образовании, в %

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	1979 г. к 1970 г.	1989 г. к 1979 г.	2010 г. к 1989 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
сельскохозяйственный центр	414,0	31,4	80,7	85,7	69,2
золотодобыча	88,1	87,4	49,2	79,2	38,9
лесная промышленность	91,4	84,9	62,3	59,7	37,2
промышленный центр	84,7	95,5	49,0	75,4	37,0
транспортный центр	86,7	817,9	58,6	84,5	49,5
другое	107,9	114,4	65,9	77,9	51,3
Итого по всем населенным пунктам	110,6	153,6	57,8	81,7	47,2

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

переписи 1989 г. Наиболее значительное сокращение числа жителей произошло в населенных пунктах, в которых сосредоточены основные для района виды хозяйственной деятельности – золотодобыча (38,9%) и лесная промышленность (37,2%). По данным Амурстата сокращение численности населения в последние десятилетия (с 2000 г. по 2022 г.) происходило под влиянием как миграционного оттока, так и естественного движения населения. Главную роль при этом играла миграция. Так, в 2000 г. миграционный прирост (отток) населения на 1000 населения составил -24,7, а естественный прирост (убыль) на 1000 населения сложился в размере -1,3. В 2020 г. соотношение этих показателей сложилось как -17,1 и -6,3.

Сравнение изменений в численности населения отдельных населенных пунктов свидетельствует о значительных масштабах дифференциации. В наибольшей мере численность населения сохранилась в с. Ивановское (77,5%) и с. Февральское (61,5%). При этом в пгт. Токур численность населения составила только 31,1%, а в с. Селемджинск – 30,4% от имевшихся в 1989 г. жителей.

Важным итогом происходящих трансформаций явилось измельчание населенных пунктов. Средняя людность населенных пунктов сократилась с 1425,3 чел. в 1989 г., до 679,1 в 2022 г. Столь значительные изменения в сети расселения приводят к ухудшению условий жизни, деградации социальной инфраструктуры и усложнению населению доступа к различным услугам.

Оценивая перспективы изменений численности населения района, следует учитывать, что система населенных пунктов имеет корпоративно-ячеечную структуру, ориентированную на обеспечение добычи золота и лесозаготовку, определяющие величину и размещение поселений. Организация добычи рудного золота и ведение сезонных лесозаготовок происходит на основе использования вахтового метода кадрового обеспечения, ориентированного на завоз работников и предполагающего создание временных вахтовых поселений, лишая тем самым перспектив развития сложившейся си-

стемы расселения.

В настоящее время в Тындинском муниципальном образовании (далее – МО) сложилась сеть населенных пунктов, в административно-территориальную структуру которой входит 24 населенных пункта, включенных в 20 сельских муниципальных образований.

За рассматриваемый период (1989–2022 гг.) в Тындинском МО одной из важнейших демографических тенденций явилось существенное сокращение численности населения, при котором потери общей численности населения составили 64,8%.

В динамике изменений численности населения населенных пунктов Тындинского МО за 1989–2022 гг. сложились существенные различия. Показатели устойчивости выше средних значений были в 12 населенных пунктах, ниже средних – в 11 населенных пунктах.

При сокращении численности населения в МО в среднем до 35,2%, в п. Соловьевск (75,0%) и с. Усть-Нюкжа (76,0%) потери численности составили менее 20%. В то же время в поселках Чильчи (11,4%) и Ларба (16,7%) за 1989–2022 гг. сохранилось менее 20% жителей, а с. Янкан и п. Лапри превратились в однодворки. Важно отметить, что существенное сокращение численности произошло в населенных пунктах с численностью населения, превышающей в 1989 г. 1500 человек (п. Ларба – 2113 чел., п. Чильчи – 1661 чел.). При этом происходило измельчание сети населенных пунктов. При средней численности в 1989 г., составившей 1543,6 чел., в 2010 г. численность уменьшилась до 698,5 чел. и до 543,0 чел. в 2022 г. (табл. 7).

Важнейшая роль в формировании системы расселения Тындинского района и изменениях в демографических процессах принадлежит развитию хозяйственной деятельности. Создание населенных пунктов связано с развитием хозяйственной деятельности, в ходе которой в районе сформировался многоотраслевой комплекс, включающий в себя золотодобычу, лесную и деревообрабатывающую промышленность и железнодорожный транспорт. Изменение численности насе-

ления в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией Тындинского МО представлено в таблице 8.

Сокращение числа жителей произошло в населенных пунктах всех видов хозяйственной деятельности. Особенно значительными они были в населенных пунктах транспортной специализации, где сохранилось в 2022 г. только 27% от числа жителей на 1989 г.

Возникновение значительной части населенных пунктов Тындинского МО связано со строительством БАМа, в ходе которого было построено 15 новых поселков. Рост численности населения в период строительства, после его завершения сменился миграционным оттоком его участников. В настоящее время продолжается выполнение комплекса работ по модернизации всего Восточного полигона железных дорог России, в том числе

и на территории района.

Сеть автомобильных дорог общего пользования не позволяет обеспечить круглогодичное транспортное сообщение между населенными пунктами. Только 10% населенных пунктов района имеет автобусное сообщение. В местностях с ограниченным завозом грузов проживает 833 чел. или 6,2%.

Развитие золотодобычи определяется деятельностью АО «Прииск Соловьёвский», четыре из шести добывающих карьеров которого расположены в Тындинском районе. Наряду с традиционно развивающейся добычей россыпного золота прииском и ООО «Березитовый рудник» начата добыча рудного золота, открывающего перспективы успешного развития на длительный временной период. Перспективы развития золотодобычи связаны также с разведкой Бамского золоторудного место-

Таблица 7

Средняя людность населенных пунктов Тындинского МО с различной хозяйственной специализацией, чел.

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	1989 г.	2010 г.	2022 г.
сельскохозяйственный центр	605	437,5	393,8
другое	245	5	6
золотодобыча	1660,3	1343,7	1112,3
транспортный центр	1966,6	719,7	531,2
центр промышленности и транспорта	325,0	203,0	135,0
Всего	1543,6	698,5	543,0

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Таблица 8

Изменение численности населения в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией Тындинского МО

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	Изменение численности населения, в %					Доля населения, в %			
	2010 г.	2018 г.	2022 г.	2022 г.	2022 г.	1989 г.	2010 г.	2018 г.	2022 г.
	к 1989 г.	к 2010 г.	к 2018 г.	к 2010 г.	к 1989 г.				
сельскохозяйственный центр	72,3	91,5	98,3	90,0	65,1	6,8	10,9	11,9	12,6
другое	2,0	120	100	120	2,4	0,7	0,0	0,0	0,0
золотодобыча	80,9	88,3	93,7	82,8	67,0	14,0	25,1	26,5	26,7
транспортный центр	36,6	80,6	91,5	73,8	27,0	77,5	62,7	60,4	59,5
центр промышленности и транспорта	62,5	75,9	87,7	66,5	41,5	0,9	1,3	1,1	1,1
Общий итог	45,2	83,7	92,9	77,7	35,2	100,0	100	100	100

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

рождения, осуществляемой золотодобывающей компанией «Полюс Золото».

Лесопромышленный комплекс Тындинского района представлен основными предприятиями АО «Туранлес», ДОЗ «Восточный» и ООО «Тугаул Лес». В п. Восточный введен в эксплуатацию деревообрабатывающий завод.

Существенным фактором ослабления усилий хозяйствующих субъектов по повышению устойчивости местного населения явилось все более широкое распространение использования вахтового метода ведения работ. Численность работников, занятых в экономике района, в 2018 г. составила 9 631 чел. или 98% от численности работников 2017 г. Количество работников, привлекаемых предприятиями из других регионов для работы на территории района, составляет 2900 чел. или 30% от численности работников, занятых в экономике района.

К числу северных муниципальных образований Амурской области относится г. Тында, который создавался на базе рабочего поселка с численность населения по итогам переписи 1970 г. 3422 чел. в связи с началом в 1974 г. строительства Байкало-Амурской магистрали.

Высокую значимость города как транспортно-логистического центра определило его положение на пересечении БАМа с железнодорожной веткой выхода на Транссибирскую магистраль и федеральной автомобильной трассой А360 «Лена», обеспечивающей связь Амурской области и Республики Саха (Якутия). В рамках сложившейся на севере региона линейно-очаговой структуры системы расселения г. Тында служит важнейшим опорным центром.

Формируясь первоначально как центр дислокации строительных организаций, город уже к переписи 1979 г. насчитывал 42,6 тыс. чел. постоянного населения, а в 1989 г. – 62,2 тыс. чел. В дальнейшем происходило существенное сокращение численности населения. Уже к 2022 г. население города составило по сравнению с 1989 г. 64,4%, к 2010 году – 58,3%, а к 2022 году – 52,5%.

Динамика естественного прироста населения с 2010 г. характеризуется сни-

жением уровня рождаемости. С 2013 г. происходит естественная убыль населения, дополняющая сокращение численности населения города, происходящее за счет миграции. Основную часть миграционного оттока составляла межрегиональная миграция. Жители города переезжали на постоянное место жительства за пределы Амурской области. Во многом это определяется тем, что подавляющая часть участников строительства БАМа изначально не рассматривала себя как переселенцев и планировала отъезд по завершении строительства.

Численность работников, занятых в экономике города на 1 января 2023 г. – 18388 чел., из которых на крупные и средние организации приходится 14052 чел. или 76,4%. Текущие и перспективные потребности в трудовых ресурсах, связанные с действующими производственными объектами и инвестиционными проектами, будут покрываться как за счет местного населения, так и завоза квалифицированных кадров с юга области и территорий за ее пределами [Белевских, Беляев 2016].

В перспективе Тында рассматривается как стратегически важный транспортный узел, обеспечивающий железнодорожные и логистические связи межрегионального и международного значения. Важную роль город будет продолжать играть как центр Тындинского муниципального округа.

Зейский район является крупнейшим по территории в Амурской области и составляет 87,5 тыс. кв. км или 24% территории. При этом район является малозаселенным. Густота сети населенных пунктов составляет 0,03 ед./10000 кв. км.

В Зейском муниципальном образовании 31 сельский населенный пункт объединен в 20 сельских муниципальных образований. Систему расселения района отличает высокий уровень дисперсности и низкой территориальной доступности. На расстоянии до 30 км от районного центра находится 4 населенных пункта (далее – НП), от 30 до 50 км – 6 НП, от 50 до 70 км – 5 НП. На расстоянии более 100 км от районного центра расположено 13 НП, среди которых посёлок Бомнак – 227

км, поселок Огорон – 260 км, поселок Тунгала – 385 км. Семь сел относится к труднодоступным. Сообщение между северными поселками (Береговой, Горный, Октябрьский, Хвойный, Бомнак) – авиационное. Между южными поселками сообщение – автомобильное. В одном из северных сел района проживают коренные малочисленные народы Севера – эвенки.

За 1989–2022 гг. потери численности населения района составили 60,9%. Особенно значительными они были в период между переписями 1989–2010 гг., когда потери численности населения составили 48,9%. В дальнейшем темпы снижения численности уменьшались, но общая тенденция сохранялась.

Формирование негативных тенденций происходит за счет оттока населения и естественной убыли. Число прибывающих в район мигрантов существенно меньше числа выбывающих, число умерших превышает число родившихся. Важным результатом демографических трансформаций явился рост доли населения старше трудоспособного возраста. Если в 2020 г. удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения составлял 15,2%, то в 2020 г. – 23,4%. В результате происходящего измельчания сети расселения Зейского района средняя численность населения, составлявшая в 1989 г. 1062,8 чел., сократилась более чем вдвое и составила в 2022 г. 415,3 чел.

Одним из наиболее значимых проявлений внутривнутрирегиональных различий в развитии демографических процессов является низкая представительность средних по региону показателей. Так, при том, что в целом по району за 1989–2022 гг. сохранилось 39,1% населения, только в одном НП показатели были в пределах пяти процентных значений ниже средней, еще в 3 НП различия не превышали 10% ниже средней, в 5 НП различия ниже среднего значения колебались в пределах от 10% до 20%, еще в 5 НП – от 20% до 30% ниже среднего, в п. Ясный потери численности населения были более 30%. Село Алексеевка, где в 1989 г. проживало 9 чел., к 2022 г. осталось без населения. Наиболее значитель-

ными были потери численности населения в менее крупных НП. В 14 НП значения были выше среднего, при этом в двух НП – селе Заречная слобода (80,4%) и селе Сосновый Бор (92,3%) сохранилось более 80% численности населения.

Оценивая причины сложившейся дифференциации устойчивости численности населения НП Зейского района, автором была проверена гипотеза влияния особенностей хозяйственной специализации. При этом в качестве типов были выделены населенные пункты, связанные с золотодобычей, лесной промышленностью, транспортом и сельским хозяйством (табл. 9).

Среди выделенных типов наименьшие потери численности населения в 1989–2022 гг. в НП сельскохозяйственной специализации. В транспортных центрах существенное сокращение численности происходило только в 1989–2010 гг., что было связано с окончанием строительства БАМа. В дальнейшем устойчивость численности населения сохранялась на высоком уровне.

Значительно меньшей была устойчивость численности населения в НП, связанных с лесной промышленностью и золотодобычей. Выделенные типы хозяйственной специализации, как и величина НП, хотя и показали себя существенным дифференцирующим фактором, не являются достаточным для оценки складывающейся неравномерности. Так, в 2020 г. в районе работало 26 золотодобывающих предприятий, и в целом результаты по добыче золота свидетельствовали о позитивных тенденциях развития отрасли. Однако при этом размеры обрабатываемых россыпей, стадии их разработки существенно различались, что предполагает сочетание в районе роста производства на одних месторождениях и его падения, и свертывания работ на других. Как следствие, при потерях численности населения в НП, связанных с золотодобычей, составивших за 1989–2022 гг. 68,8%, в двух НП они составили только 36,1% и 42,3%, тогда как в двух других НП, потери численности населения составили 90,3% и 92,0% (табл. 10).

Таблица 9

Изменение численности населения Зейского муниципального образования в населенных пунктах с различной хозяйственной специализацией, %

Населенные пункты с различной хозяйственной специализацией	2010 г. к 1989 г.	2018 г. к 2010 г.	2022 г. к 2018 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
золотодобыча	45,8	80,0	85,2	68,2	31,2
лесная промышленность	43,1	82,2	83,5	68,6	29,6
транспортный центр	34,7	91,5	90,5	82,9	28,7
сельскохозяйственный центр	71,6	87,5	86,8	76,0	54,4
центр промышленности и транспорта	63,6	87,7	93,0	81,5	51,8
центр промышленности и сельского хозяйства	69,0	91,5	90,3	82,6	57,0
сельскохозяйственный центр	71,6	87,5	86,8	76,0	54,4
Всего по населенным пунктам	51,1	87,0	87,9	76,4	39,1

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Таблица 10

Изменение численности населения Зейского муниципального образования в отдельных населенных пунктах, связанных с золотодобычей, %

Населенный пункт Зейского района	2010 г. к 1989 г.	2022 г. к 2010 г.	2022 г. к 1989 г.
посёлок Тунгала	63,7	100,4	63,9
посёлок Бомнак	67,8	85,2	57,7
село Умлекан	55,2	79,1	43,7
посёлок Береговой	55,9	70,1	39,1
посёлок Огорон	46,9	70,1	32,9
Поселок Октябрьский	41,5	68,4	28,3
село Золотая Гора	23,6	44,2	10,5
посёлок Кировский	20,0	48,6	9,7
посёлок Ясный	17,2	46,7	8,0
Всего по населенным пунктам	49,4	74,0	36,5

Источник: рассчитано автором по Базе данных «АмурМИСС».

Тем самым можно констатировать, что уровень персонификации демографического развития НП очень высок и при определении перспектив каждый НП должен учитываться индивидуально.

Заключение

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что демографические процессы, происходящие в муниципальных образованиях, приравненных к районам Крайнего Севера, во многом определяются тяжестью природно-климатических условий, снижающих их привлекательность как мест постоянного проживания.

Следствием этого является разреженность сети расселения, удаленность создаваемых населенных пунктов от региональных центров обслуживания населения, низкая транспортная доступность, ограниченность возможностей обеспечения продовольственной безопасности.

Формирование сети поселений, величина и продолжительность существования населенных пунктов, их хозяйственная специализация определяющим образом зависят от сырьевой базы, носящей поселкообразующий характер.

Ограничения в развитии комплекса

социальной инфраструктуры поселений во многих случаях, носящих временный характер, существенно повышают значимость районных центров как центров обслуживания населения, требующих развития в них специальных элементов, ориентированных на предоставление услуг населению региональной периферии.

Малая людность районных центров способствует сохранению коммерчески неэффективного пространства, ограничивая перспективы развития объектов

обслуживания, предоставляющих услуги периодического и эпизодического спроса. Преодоление этих ограничений может достигаться только при условии осуществления специальной государственной поддержки.

Альтернативой мерам, направленным на увеличение численности населения территориальных образований, приравненных к районам Крайнего Севера, может служить развитие вахтового метода ведения работ.

Список источников:

1. Белевских Т. В., Беляев Д. П. Рынок труда северных территорий России и северная территориальная премия. Мурманск: Баренц-пресс, 2016. 105 с.
2. Дьяченко В. Н. Современные тенденции трансформации процесса заселения Приамурья // Наука – XXI век. Сборник материалов международной научной конференции. 2015. С. 167–177.
3. Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А. Асимметрия в демографическом развитии муниципальных образований Амурской области // Ученые записки / под ред. д-ра экон. наук О.М. Прокапало. Выпуск 1. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2017. С. 33–48.
4. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5 <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
5. Кочегарова Е. Д. К истории развития золотопромышленности Приамурья (конец XIX – нач. XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2000. вып. 3. С. 219–225.
6. Маркова Н. А. Золотопромышленное предпринимательство в Приамурье (вторая половина XIX - начало XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 2(56). С. 38–44.
7. Минакир П. А., Исаев А. Г., Найден С. Н. Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 23–36. <https://doi.org/10.14530/reg.2022.6.23>
8. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
9. Симагин Ю. А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05.
10. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004

References:

1. Belevskikh T. V., Belyaev D. P. (2016) The labor market of the northern territories of Russia and the Northern territorial award. Murmansk: Barents Press. 105 p. (In Russ.)
2. D'yachenko V. N. (2015) Modern trends in the transformation of the settlement process of the Amur region. Nauka – XXI century. Collection of materials of the international

scientific conference. Pp. 167–177. (In Russ.)

3. D'yachenko V. N., Burlaev E. A. (2017) Asymmetry in the demographic development of municipalities of the Amur region *Uchenyye zapiski* [Scientific notes]. Issue 1. Khabarovsk: Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pp. 33–48. (In Russ.)

4. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. (2018) A new theory of development (space) of the Arctic and the North: a multi-scale interdisciplinary synthesis. *Arktika i Sever* [Arctic and the North]. No. 31: 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5 (In Russ.)

5. Kochegarova E. D. (2000) On the history of the development of the gold industry of the Amur region (late XIX – early XX centuries.) *Istoricheskiy opyt osvoyeniya Dal'nego Vostoka* [Historical experience of the development of the Far East]. 2000. Issue. 3: 219–225. (In Russ.)

6. Markova N. A. (2007) Gold-mining entrepreneurship in the Amur region (the second half of the XIX – the beginning of the XX century.). *Russia and the Asia-Pacific region* [Rossiya i ATR]. No. 2(56): 38–44. (In Russ.)

7. Minakir P. A., Isaev A. G., Naiden S. N. (2022) Economic development and social dynamics in the Russian Far East: scenario forecast. *Regionalistics* [Regionalistika]. Vol. 9. No. 6: 23–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.23> (In Russ.)

8. Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. (2019) The development of the North 2.0: challenges of the formation of a new theory. *Arctic and the North* [Arktika i Sever]. No. 34: 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57 (In Russ.)

9. Simagin Yu. A. (2018) Territorial distribution of strong depopulation in Russia at the municipal level. *Population* [Narodonaselenie]. Vol. 21. No. 1: 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05. (In Russ.)

10. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. (2023) Demographic dynamics and transformation of the settlement system in the North of Russia in the coordinates of the population census of 2021. *The North and the market: the formation of an economic order* [Sever i ryok: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka]. No. 1: 64–79. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Информация об авторе

В. Н. Дьяченко – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

V. N. Dyachenko – Candidate of Philosophy, senior researcher, the Economic Research Institute FEB RAS